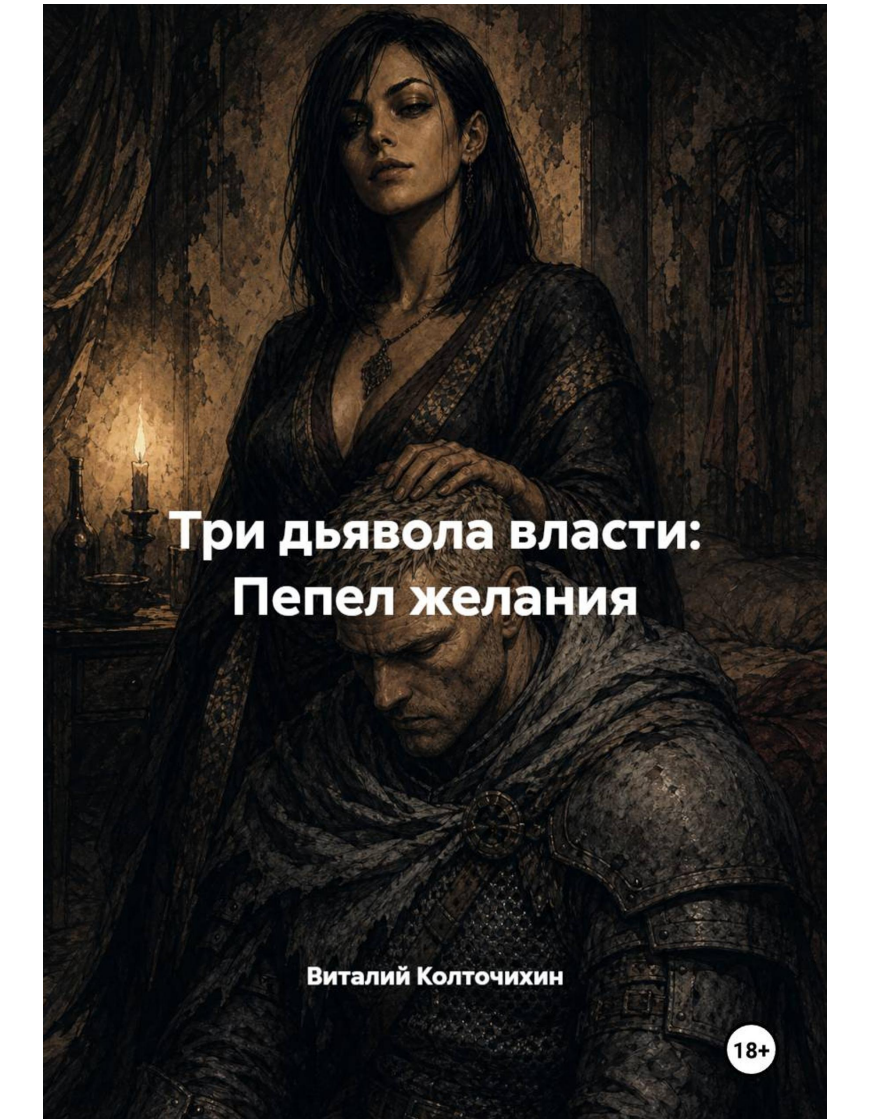

A dark, atmospheric illustration of a woman with long dark hair and a necklace, looking down at a man in armor. The man is looking down, and the woman's hand is on his head. The background is a dimly lit room with a candle and a bottle on a table.

Три дьявола власти: Пепел желания

Виталий Колточихин

18+

Виталий Колточихин

Три дьявола власти: Пепел желания

<https://litres.ru/74417499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы привыкли: герой убивает зло. Профессионализм выше чувств. Элитный охотник — сталь без сомнений. Клятва держит. Доспехи не трескаются.

Но что, если за доспехами не машина, а человек, которого сломали ещё в детстве?

Алан — Пепельный жнец. Один из двенадцати. Он приезжает в Лэнвер искать пропавших девушек и пламенных демонов. К бою готов. К крови готов. К тому, что груз двадцати лет встанет между ним и приказом, — нет.

Детская травма не кричит. Она ждёт. И даёт трещину в самый неподходящий момент: когда клинок уже в руке, а сердце вдруг отвечает не уставу.

Сможет ли охотник выполнить долг, если профессионализм ломается изнутри?

История о том, как сдаёт сталь. И о том, что самый страшный враг — не демон, а дыра, которую он всю жизнь прятал за присягой.

Содержание

Огонь и пепел	4
Огненный след	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Колточихин

Три дьявола власти: Пепел желания

*«Люди не ведают, в
каком наполненном тайнами и
загадками мире они живут. Но
разгадать их им не под силу, ведь
ведомы они не созерцанием и
созиданием, а лишь бесконечными
войнами, мотивированными жаждой
денег и власти».*
— *Адраксис*

Огонь и пепел

1264 год.

Конь ступал осторожно, пробиваясь сквозь переплетение корней и прошлогоднюю листву. Лес сгущался, впитывая последние лучи солнца, и сумерки ложились на землю тяжёлым, влажным покрывалом. Пепельный жнец Алан сидел в седле ровно, не сутулясь, словно стальная спица, вбитая в позвоночник. Светло-русые волосы, коротко остриженные у висков, слегка выбивались из-под капюшона, но взгляд оставался неизменным: серые глаза, холодные и цепкие, скани-

ровали пространство без суеты. Он не смотрел — он вычитывал. Каждую тень, каждый шорох, каждую трещину в коре.

На нём была кольчуга с литыми латными пластинами, выкованными из святой стали и выкрашенными в глухой пепельный цвет, который не бликовал, а поглощал свет. На поясе, в кожаных ножнах, спала катана. Клинок, требующий не грубой силы, а абсолютной концентрации: каждый удар — расчёт, каждый поворот кисти — геометрия смерти. Мало кто из двенадцати жнецов мог позволить себе такую роскошь в ближнем бою. Алан мог. Мастерство оттачивалось годами, пока не стало рефлексом. Лишь ныне покойная Алая жница Ева владела клинком виртуознее.

Маршрутная карта выводила его в Лэнвер. Город-перекрёсток, где сходились три тракта. Не столица с её мрамором и интригами, не захолустье, гниющее от сырости. Середина. Каменные стены с потрескавшейся штукатуркой, черепица, покрытая мхом, узкие улицы, выбитые колёсами до костяных выбоин. Город, где останавливались, но не задерживались. Где пахло жареным луком, конским потом и вечной борьбой за медную монету. Алан хотел успеть до темноты.

Вечерело. Воздух остывал, но внезапно, шагах в двадцати правее тропы, среди стволов вспыхнул свет. Не огонь костра. Не факел. Жаркое, пульсирующее марево, от которого воздух пошёл рябью, как над раскалёнными углями. В такое время, на окраине леса, свет мог значить только одно.

Алан спрыгнул с седла. Ладонь легла на гриву коня — коротко, по-хозяйски. Поводья обвились вокруг шершавой коры ближайшего вяза. Узел затянулся туго.

Он двинулся вперёд. Шаг мягкий, бесшумный. Правая рука уже на рукояти катаны. Пальцы легли на потёртую кожу обмотки, чувствуя вес и баланс.

Над деревьями резко вскрикнули вороны. Чёрные комья взмыли в небо, каркая отрывисто, нервно. Конь за спиной фыркнул, переступил копытами, но Алан не обернулся. Не моргнул. Дыхание стало ровнее, тише. Мир сузился до тропы, до жара впереди, до напряжения в предплечье.

Свет пробивался сквозь чащу, выхватывая из полумрака силуэты. Три фигуры. Не люди.

Пламенные демоны.

Они напоминали ожившие кузнечные меха. Массивные, литые фигуры с кожей, натянутой на бугры пережжённых мышц, отливали багрово-красным, как раскалённый уголь под пеплом. Изо лбов, меж изогнутых, похожих на обугленные коряги рогов, вырывался живой огонь — не факел, а густое, ревящее пламя, пожирающее кислород и оставляющее после себя запах серы и палёной шерсти. Рты, оскаленные в постоянной, бессознательной ухмылке, были полны игло-видных зубов, между которых сочилась тёмная, вязкая смола. Конечности заканчивались не когтями, а тяжёлыми костяными крючьями, способными раздирать плоть и камень с одинаковым безразличием.

Они не рычали. Они гудели. Низкий, утробный гул, исходящий из самой груди, смешивался с шипением жара.

Один из них наклонился к телу мёртвой девушки. Раскалённый крюк вошёл в бедро с тихим, влажным хрустом. Пар вырвался клубом. Демон оторвал кусок, не торопясь, и поднёс к оскаленной пасти. Раздался звук, похожий на шипение раскалённого металла в воде. Он жевал медленно, методично. Остальные двое уже разбирали грудную клетку, разламывая рёбра с сухим треском, будто вскрывая скорлупу.

Алан замер в тени ели.

Воздух вокруг него вибрировал от жара. Запах палёного мяса, озона и сладковатой гнили въедался в ноздри, оседал на языке горькой пылью. Внутри не дрогнуло ни одной мышцы. Ни страха. Ни жалости. Только холодная, отточенная оценка: три цели. Дистанция — восемь шагов. Ветер — в спину. Катана — наготове.

Он не знал, жива ли она была в момент, когда огонь коснулся кожи. Но сейчас это не имело значения.

Имело значение только следующее движение.

Алан медленно потянул рукоять на себя. Сталь вышла из ножен с тихим, протяжным шипением, перекрывшим чавканье и треск костей. Три головы развернулись синхронно. Пустые, жаркие провалы вместо глаз уставились на него. Жнец поднял клинок вверх, открывая живот, принимая стойку. Огненный отблеск скользнул по полированной грани. Демоны застыли. От туши, от которой осталась лишь обугленная

груда костей и дымящихся жил, они оторвались.

Алан не двинулся с места. Не атаковал первым. Выжидал.

Одна из тварей не выдержала. Сделала короткий разбег, оттолкнулась когтистой лапой и прыгнула — низкая, звериная дуга, целясь в шею. Алан резко сбросил центр тяжести. Правое колено ударилось о влажную листву, тело проскользило вперёд, уходя с линии прыжка. Руки, уже поднятые высоко, не изменили траектории — они лишь обрушились вниз. Гравитация, инерция падения и вес клинка слились в один тяжёлый, рубящий удар сверху. Лезвие вошло в плечо, прошло сквозь пережжённую плоть, вышло у бедра. Кровь хлынула фонтаном. Пепельный цвет доспехов мгновенно потемнел, смешиваясь с алым. Демон пролетел ещё шаг, рухнул на бок, судорожно дёрнулся и затих, растеряв по мху половину внутренностей.

Оставшиеся двое зарычали — звук был похож на треск сухих поленьев в печи. Алан поднялся с колена. Встал в стойку. Клинок перед собой. Ни лишнего движения. Ни моргания. Только ровное дыхание и холод в серых глазах. Демоны начали двигаться по кругу, выбирая угол, проверяя реакцию. Алан стоял как вкопанный. Тень от него не дрожала.

Первый бросился со спины. Алан услышал смещение воздуха раньше, чем увидел движение. Увёл левую ногу назад, развернул корпус всем телом, уходя с линии удара. Катана взмыла вверх. Демон пролетел мимо, и в тот же миг лезвие обрушилось вниз. Удар был чистым, без задержки. Голова

отделилась от туловища, отлетела в кусты, продолжая изрыгать искры. Тело рухнуло следом.

Последний не стал ждать. Рванул вперёд, пытаясь зацепить жнеца раскалённой лапой. Алан не отступил. Шаг в сторону, лёгкий наклон корпуса. Кисть сработала точно: катана скользнула по суставу, отсекла конечность у основания. Демон взвыл, потерял равновесие, рухнул на траву. Алан не дал ему подняться. Один быстрый шаг вперёд. Укол. Клинок вошёл в черепную коробку между рогов, пробил кость, ушёл вглубь. Огонь в провалах глаз дёрнулся, погас, оставив после себя лишь тёмный, остывающий пепел.

Алан вытащил меч, резким движением отвёл его в сторону, стряхнув кровь. Алые капли брызнули на траву и стволы деревьев, оставляя на коре тёмные, быстро впитывающиеся пятна. Он провёл тыльной стороной перчатки по лезвию, снимая последние капли. Клинок был почти чистым. Жнец медленно, без спешки, вложил катану обратно в ножны. Щелчок застёжки прозвучал в тишине леса как финальная точка.

— Что демоны огня делают вблизи города? — подумал про себя жнец. — Как девушка очутилась в лесу в такое позднее время? Почему демоны одни, без предводителя?

Алан отвязал поводья, взобрался в седло. Конь фыркнул, стряхивая напряжение, и тропка вывела их из чащи. Лес начал редеть. С каждым шагом копыт реальность отступала, уступая место памяти. Запах гари и влажной листвы потянул

за собой образы казарм, мела на досках, скрипа перьев по пергаменту.

Учебный зал Ордена. Просторное помещение с высокими узкими окнами и длинными дубовыми столами, исцарапанными ножами, чернилами и следами от учебных клинков. Учитель демонологии, седой ветеран с ожоговыми шрамами, уходящими под ворот мундира, стоял у грифельной доски, покрытой схемами иерархии Ада.

— Повелители Огня, — голос звучал ровно, без пафоса.
— Очень опасные демоны. Разумные. Человекоподобные. Владеют магией огня.

Алан помнил, как мел крошился в пальцах учителя, оставляя на доске белые следы, похожие на трещины.

— Пламенные демоны — их свора. Звероподобные. Лишены интеллекта. Действуют только в стае, под прямой командой Повелителя. Одиночный Пламенный вблизи человеческого поселения — это либо ошибка, либо наживка.

Солнце било в высокое окно, выхватывая из полумрака пылинки. За первым столом сидела Лана. Она была безупречна. Алан ловил себя на том, что не может отвести взгляд. Белые волосы, тяжёлой волной лежащие на плечах, голубые глаза с острым, живым блеском, точёные скулы, ровная линия подбородка. Она была очень красива. По-настоящему. Он смотрел на неё, запоминая каждый изгиб, каждый поворот головы, словно боялся, что картинка сотрётся.

Она наклонилась к соседу, что-то шепнула, и тихо рассме-

ялась. Звук был лёгким, неосторожным. Рядом с ней сидел Фелдар. Чёрноволосый, прямой, как струна. Он не улыбался. Слушал. Записывал. Каждое слово учителя ложилось на пергамент чётко, без помарок. Ему будто не было дела до того, что говорит ему Лана. Спокойствие в его позе раздражало и притягивало одновременно.

Лана напоминала Алану его мать, погибшую от рук демонов. Не характером — их натуры были противоположны. Мать была строгой, холодной, не знающей компромиссов. Но черты лица: овал, разрез глаз, изгиб бровей, даже манера держать голову — всё совпадало до пугающей точности. Именно это внешнее эхо сбивало его с толку. Именно оно заставляло задерживать дыхание, когда она поворачивалась в его сторону.

Ветер ударил в лицо, сдувая наваждение. Тропа снова стала реальной. Лэнвер уже виднелся впереди — серые стены, кривые трубы, дым над крышами. Город-перекрёсток дышал вечерней суетой. Алан сжал поводья. Воспоминания ушли, оставив после себя только холодный осадок. Ошибка или наживка. В городе нужно было проверить обе версии.

Алан ненавидел проверки городов. С тех пор как на его плечи легла тяжесть пепельных лат, он всё чаще чувствовал себя не воином, стоящим на страже человечества, а королевским ревизором. Бесконечная, вязкая бюрократия, высасывающая душу быстрее, чем демоническая магия. Прибыть в поселение по маршрутной карте. Найти связного из Службы

Охраны Государства — тень в маске или купца с бегающими глазами. Заслушать рапорты местных охотников, которые чаще всего пахли дешёвым элем и страхом перед начальством. Осмотреть стены. Написать отчёт в Орден. Уехать. И так по кругу, пока сталь не проржавеет, а разум не покроется плесенью. Скука.

Настоящие битвы случались всё реже. После Второй войны демоны будто растворились в серой мгле, затаились, слизывая раны. Или копили силы для нового, сокрушительного удара.

Именно поэтому встреча в лесу выбивалась из привычной, мёртвой картины мира. Пламенные демоны. Одни. Без Повелителя. Это было не просто странно. Это было неправильно. В этом крылся надлом, который Алан чувствовал за тылком.

Лэнвер встретил его запахом мокрого камня, дыма и дешёвого эля из привратных харчевен. Узел трёх трактов: здесь меняли лошадей и напивались — и ехали дальше. У ворот его ждали всего двое стражников. Латы на них сидели кривыми, алебарды опирались о камни скорее как на костыли, чем как на оружие.

Едва Алан спешился, один из караульных молча, с подобострастным страхом повёл его коня под уздцы, из-за угла почти вывалился запыхавшийся мужчина. Представитель мэра. Он на ходу одёргивал камзол, пытаясь придать лицу выражение торжественности, но получалась лишь гримаса

загнанного должника.

— Для нас честь принимать Пепельного жнеца в нашем городе, — произнёс он, кланяясь чуть ниже, чем требовал этикет. Голос звучал вежливо, но с ноткой липкой суеты.

— Вольно, — сухо бросил Алан. Его взгляд скользнул по пустым стенам надвратной башни — коротко, без тепла. — Почему на воротах всего двое? У вас тут в лесу...

Алан осёкся. Слова застряли в горле, утонув в холодном расчёте. Жнец никогда не сеял панику раньше времени. Если он сейчас, на пороге, бросит слово «демоны», город встанет на уши. Страх распространяется быстрее чумы, а Лэнвер жил за счёт транзита. Если испуганные торговцы приостановят торговлю — это убьёт город раньше, чем это сделают твари. Нужно постараться решить проблему самому, не привлекая внимания.

Представитель мэра насторожился, его кадык дёрнулся под воротником.

— Что... что в лесу, господин жнец?

— Забудь, — отрезал Алан. Ладонь в кожаной перчатке привычно легла на потёртую обмотку рукояти катаны. — Отведи меня к месту проживания. Дела Ордена отложим до утра.

— Как скажете, — выдохнул мужчина, и в его глазах мелькнуло облегчение. — Прошу за мной.

Он повёл Алана по узким, выбитым колёсами улицам. Дом, выделенный для жнецов, оказался на удивление скром-

ным. Никакого мрамора, никакого шёлкового постельного белья и ванн с лепестками, которыми толстосумы в крупных городах пытались купить благосклонность и слепоту ревизоров. Но Алан не искал здесь подвоха. Лэнвер жил с дороги, а не с казны: золото здесь звенело редко, а в городской казне в основном лежала медь и долговые расписки. Мэр не пытался выставить напоказ роскошь, которой у него не было. Он просто дал то, что мог позволить себе бюджет поселения: крепкие стены, чистые простыни и крышу, которая не течёт.

Алан не стал располагаться. Зайдя внутрь, он немного подождал, пока сопровождавший его человек уйдёт. Алан, увидев в окно, что человек ушёл, быстро начал сбрасывать с себя доспехи, будто куда-то торопится. На стуле рядом с кроватью лежал аккуратно сложенный комплект городской одежды. Жнецам часто оставляют обычную одежду, чтобы они могли посмотреть город без доспехов. Так как доспехи жнеца привлекают слишком много внимания людей. Кто-то из жнецов предпочитает ходить в гражданской одежде, некоторые любят ходить в доспехах напоказ. Алан же переодевался для другой цели.

Выйдя на вечерние улицы Лэнвера, он почти не отличался от местных ремесленников или уставших путников. Но внутри него уже пульсировала другая, глухая боль, не имеющая ничего общего с долгом. Он шёл по улице, минуя шумные таверны, игнорируя устав и связного из Охраны Государства, с которым он обязан был встретиться после приезда в город.

Зуд под кожей был сильнее страха перед трибуналом. Желание, тёмное и вязкое, тянуло его вперёд. Он искал бордель.

Спрашивать у прохожих было неловко, да и опасно — чужак, ищущий утех, запоминается лучше, чем человек в доспехах. Он просто шёл, считывая вывески, запахи и тени в переулках, пока не уловил приторный аромат дешёвых духов, перебивающий смрад сточных канав.

У входа в двухэтажное здание с плотно занавешенными окнами стояли девушки. Их наряды были откровенны настолько, насколько позволяла вечерняя прохлада, а взгляды — натренированы заигрывать с каждым, у кого в кошельке звенела медь. Над дверью, скрипя на ржавых петлях, висела деревянная табличка с одним словом: «Желание». Короткое. Быющее прямо в оголённый нерв. Честное до цинизма.

Алан замедлил шаг, разглядывая женщин, стоящих на пороге. Его с самого юншества, с тех пор как он впервые взял в руки меч, безумно тянуло к ним. К женской мягкости, к теплу, к нежности, которой у него никогда не было. В его мире, сотканном из холода святой стали, пепла и чужой смерти, не было места ласке. Лишь строгие, прохладные руки матери, которая учила его держать спину прямо и не плакать, когда больно. Руки, которые однажды стали обугленными и разорванными. Запах гари до сих пор иногда чудился ему в женских волосах.

С тех пор Алан искал в чужих, продажных объятиях не просто утоление похоти. Он искал призрак. Пытался нащу-

пать в темноте борделя то материнское тепло, ту строгую нежность, которую у него вырвали в раннем детстве. Он жадно пил этот суррогат, зная, что никакие шёлковые простыни и чужие губы не смогут заполнить ту чёрную, звенящую пустоту, что зияла в его груди на месте, где когда-то был дом.

Но он всё равно толкнул тяжёлую дверь и шагнул внутрь, в душный полумрак, пахнувший вином, потом и чужими иллюзиями.

Дверь захлопнулась за спиной, отрезая уличную сырость. Внутри пахло дешёвым воском, пудрой и приторным цветочным сиропом, пытающимся перебить запах пота и старого дерева. Его встретила женщина лет под пятьдесят. Управляющая. Хозяин, по слухам, сидел в мэрии. Точно знала только Служба Охраны Государства.

— Добрый вечер, — улыбнулась она. Уголки губ дрогнули, в голосе зазвенела отточенная игривость.

Она повернулась вполоборота, повела рукой. Три фигуры в полумраке. Беловолосая, худая, слишком юная. Рыжая, с тяжёлыми бёдрами. И третья.

Взгляд Алана зацепился сразу. Чёрные волосы, ровно до плеч. Тёмные глаза, в которых читалась не покорность, а расчёт. Халат, скроенный так, чтобы ткань скользила по изгибам, а не висела. Нога закинута на ногу. Смотрела прямо. Не моргала. Не ждала, пока её выберут.

— Она, — кивнул Алан.

— Услуги Элли обойдутся дороже, — управляющая скользнула взглядом по его простой одежде. — Лучшая в заведении. Говорят, видит мужчин насквозь. Чует, чего они хотят на самом деле. Не каждый потянет по деньгам.

Элли улыбнулась. Встала. Походка плавная, тяжёлая, как маятник.

— Он потянет, — подошла, ладонь легла на плечо. Прижалась боком.

Алан вдохнул. Духи. Тяжёлые, сладкие. Её пальцы скользнули по предплечью, ощущая напряжённые мышцы, шрамы под рукавами. Не ласка. Осмотр. Как оценивают клинок

перед покупкой.

— Разве не видишь? — её голос прозвучал низко, почти шёпотом. — Руки воина. Спина прямая. Не пахарь какой-нибудь.

Управляющая вскинула бровь, будто ждала подтверждения.

— Беру, — отрезал Алан.

Управляющая кивнула. Элли усмехнулась. Едва заметно. Уголком рта. Будто он сказал что-то забавное и предсказуемое.

— Пошли.

Взяла за запястье. Повела.

Ступени скрипели под весом. Она шла впереди, раскачиваясь, будто лодка на тихой воде. Алан смотрел в спину, на изгиб лодыжек, на то, как халат обрисовывает бёдра. В груди сжалось. Не просто похоть. Глубже. Тягучий, слепой голод. Зверь, запертый в клетке из стали и пепла, рванулся к прутьям. Знакомое. Каждый раз одно и то же. Жажда, которая не утолялась. Которая возвращалась через час, через ночь, через неделю. Снова и снова. Как рана, которую не зашить.

Комната на втором этаже. Тесная. Кровать занимала половину пространства, продавленная в середине. Чисто, но бедность Лэнвера просачивалась сквозь стены: облупившиеся обои, тонкое одеяло, запах сырости и старого пота. Свеча на подоконнике горела ровно, не дрожа. Воздух стоял неподвижный, густой.

Элли обернулась. Стояла в центре. Ждала. Не раздевалась. Не делала приглашающих жестов. Просто стояла и смотрела. Оценивала.

Внутри Алана щёлкнул переключатель. Дисциплина, расчёт, контроль — растворились. Осталась только жажда. Та самая, что гнала его из борделя в бордель, из города в город. Та, что не давала спать.

Он шагнул. Схватил. Пальцы впились в волосы, развернули, прижали к шершавой деревянной стене. Халат взлетел вверх. Вход был быстрым, сухим, без подготовки. Её дыхание сорвалось на всхлип. Он двинулся. Резко. Грубо. Механически. Звук тела о тело, тяжёлый, ритмичный. Картина в раме на стене дробно задрожала.

Так было всегда. Жадно. Как собака, дорвавшаяся до кости. Без нежности. Без слов. Только ритм, только трение, только попытка заполнить провал в груди чужим теплом. Не получалось. Никогда не получалось. Голод возвращался ещё до того, как всё заканчивалось.

Внезапно — рывок. Элли упёрлась руками в стену, оттолкнула. Сильно. Не женским, слабым жестом. Уверенным. Алан отступил на шаг, не понимая.

Она развернулась. Ладонь метнулась.

Хлоп.

Звук был сухим, звонким, как треск ветки. Щека мгновенно налилась жаром. Алан пошатнулся. Равновесие дрогнуло. Колени коснулись пола.

Он не понял. Тело не поняло. Мозг, натренированный на бой, на реакцию, на контроль, — замер. Как замирает ребёнок, когда впервые получает по руке.

— Нельзя, — голос прозвучал не высоко, не истерично. Ровно. Стально. Как голос матери, которая говорила: «Спина прямо. Не плачь. Держись».

Он провёл пальцами по щеке. Кожа горела. Попытался подняться. Инстинкт. Рефлекс. Жнец не стоит на коленях.

Элли шагнула. Ладони легли на плечи, надавили. Твёрдо. Неумолимо. Не грубо — уверенно. Как укладывают. Как ставят на место. Он снова опустился на колени.

— Я сказала нельзя, — вторая пощёчина. В то же место. Острая, жгучая. Звон в ухе.

Алан замер. Дыхание сбилось. В груди что-то хрустнуло. Не больно. Глубже. Как лёд трескается по весне — тихо, изнутри.

В других борделях они терпели. Молчали. Уступали силе. Отводили глаза. Ждали, пока он закончит. А здесь — нет. Здесь его остановили. Поставили на колени. И сказали: нельзя.

Он смотрел вверх. На длинные ноги. На подол халата, тёмный, тяжёлый. На лицо, нависающее сверху, как небо. В груди что-то дрогнуло. Разжалось. Холодная сталь внутри дала трещину.

Ему понравилось.

Его слабость. Её власть. Ощущение маленького мальчика,

которого поставили на место. Которому сказали: сиди. Не рыпайся. Ты не знаешь, как надо. Я покажу.

Вот чего ему не хватало. Не тела. Не трения. Не механического ритма. А этого. Руки на затылке. Голоса сверху. Позволения быть маленьким. Беспомощным. Не жнецом. Не воином. Не сталью. Просто мальчиком, который провинился и которого ставят на колени. Мать так делала. Давно. До того, как её руки стали обугленными. До того, как запах гари поселился в памяти навсегда.

Раньше он брал жадно. Как человек, который слишком долго не пил и теперь не умеет пить медленно, — захлёбывался, ломал, не оставлял ничего. Пытался заполнить пустоту грубой массой. Чужим телом. Чужим дыханием. Но пустота была не там. Не в паху. В груди. Там, где когда-то был дом.

— Значит, ты тот самый жнец, — Элли сделала шаг ближе. Подол халата почти коснулся его подбородка. Ткань пахла её кожей. — Который не вылезает из борделей.

— Как ты узнала...

— Я не разрешала тебе говорить, — третья пощёчина. Лёгкая. Не больная. Указание. Как щелчок по носу.

Она провела пальцами по горячей щеке. Медленно. Следы от её ладони горели. Алан склонил голову набок. Прижался щекой к её руке. Сам. Не думая. Тело сделало раньше, чем разум успел запретить. Сдался. Прижался, как ребёнок прижимается к материнской руке, ища тепло.

— Слухи доходят быстро, — продолжила она, глядя сверху вниз. Голос был ровным, без злости. Без презрения. Только констатация. — Пепельный жнец. Сильный. Жёсткий. Ненасытный. Девочки с других городов рассказывают. Что берёт как зверь. Что не смотрит в глаза. Что уходит, не сказав ни слова.

Пальцы запутались в его волосах. Не больно. Фиксирующе. Уверенно. Она начала медленно, неумолимо наклонять его голову вниз. Не рывком. Давлением. Ладонь на затылке — тяжёлая, холодная. Подбородок коснулся ткани халата. Потом живота. Ниже. Алан не сопротивлялся. Не мог. Не хотел. Тело подчинялось само, как подчиняется рука, когда её ведут.

— Никогда не встречала элитных охотников на демонов, — её голос стал тише. Обволакивающим. Густым, как мёд. — Меня это даже заводит.

Алан чувствовал каждое её движение. Вес её ладони на затылке. Холод бёдер через ткань. Её запах — тяжёлый, сладкий, живой. Он был внизу. Маленький. Подчинённый. Не жнец. Мальчик на коленях. И возбуждение накрыло волной — не физической, не похотливой. Глубокой. Выжигающей нервы. Как голод, который наконец знают, чем накормить.

— Но другие допускали ошибку, — она продолжала давить, плавно опуская его лицо всё ниже. Пальцы в волосах не отпускали. Направляли. Как ведут руку ребёнка, показывая, как держать перо. — Думали, что ты хочешь их брать.

Подчинять.

Воздух стал гуще. Пропитанным её запахом. Тёплым. Тяжёлым. Алан дышал часто, мелко, не в силах сделать полный вдох.

— Даже по рассказам я поняла, чего ты хочешь на самом деле, — её голос звучал сверху, как колокол в вате. Далёкий. Единственный ориентир. — А увидев тебя вживую, убедилась окончательно.

Алан понял. Не нужно было объяснений. Не нужно было слов. Тело само откликнулось на этот немой ритуал подчинения. На тяжесть её ладони. На направление вниз.

Он закрыл глаза. Мир сузился до веса её руки на затылке. До тепла. До тишины, в которой не было ни стали, ни долга, ни маршрутных карт, ни пепла. Только эта граница. Только это дозволенное падение.

Её ладонь надавила. Последний раз. Уверенно. Окончательно.

Алан понял.

Он коснулся губами ткани. Потом кожи. Холодной, гладкой, пахнувшей солью и жизнью. Её пальцы в его волосах чуть сжались — не больно, направляюще.

Язык коснулся осторожно. Пробно. Как пробуют незнакомую воду — кончиком, боясь обжечься. Её бедро дрогнуло. Пальцы на затылке чуть надавили. Вниз. Глубже. Не грубо. Неумолимо.

Алан подчинился.

Он не брал. Не рвал. Не жрал. Он отдавал. Впервые в жизни. Медленно. Осторожно. Как прикасаются к чему-то хрупкому. К чему-то, что можно сломать. Язык скользил по её телу, изучая, пробуя, прислушиваясь к тому, как её пальцы на затылке чуть сжимаются или расслабляются. Она вела его. Каждое движение — её. Каждый ритм — её. Он лишь следовал. Послушно. Тихо. Как мальчик, которому впервые показали, что руки нужны не только чтобы бить. Что рот нужен не только чтобы молчать.

Её дыхание изменилось. Стало глубже. Прерывистее. Бёдра качнулись — едва заметно, произвольно. Пальцы в его волосах сжались сильнее. Не направляя. Удерживая.

Алан не отстранялся. Он был здесь. Впервые по-настоящему здесь. Не в лесу, не на тропе, не в доспехах. На коленях. С чужим вкусом на губах. С чужой рукой на затылке.

В груди что-то таяло. Медленно. Как лёд, который слишком долго лежал на морозе. Не трескался — таял. Тихо. Почти беззвучно. Капля за каплей.

Элли посмотрела вниз. На его склонённую голову. На макушку, утонувшую в её бёдрах, на русые волосы, на то, как его плечи перестали быть стальными. Как они опустились. Как перестали держать мир. Она чувствовала, как старательно двигается его язык. Чувствовала удовольствие.

— Вот так, — прошептала она. Тихо. Почти ласково. — Вот так. Не спеши.

И он не спешил. Впервые за долгие годы. Не спешил. Не

жрал. Не бежал. Просто был. На коленях. Маленький. Подчинённый. И впервые за все ночи во всех борделях всех городов — голод в груди начал стихать. Не исчезать. Стихать. Как боль, когда к ране наконец прикладывают руку.

Огненный след

Впервые за очень долгое время Алан спал как убитый. Не тем рваным, поверхностным сном, в котором тело отдыхает, а разум продолжает нести вахту. Нет. Глубоким. Тяжёлым. Как проваливаются в воду, где нет дна и нет света.

Ему снились занятия в Ордене.

Учебный зал. Длинные дубовые столы, исцарапанные ножами и залитые чернилами. Высокие узкие окна, сквозь которые солнце резало класс косыми столбами; пыль в них стояла неподвижно, как взвесь в стоячей воде. Запах мела, старой бумаги и пота. Скрип перьев по пергаменту.

Лана сидела впереди. Белые волосы сползали с плеча, когда она наклонялась. Смех был коротким, почти детским. Фелдар писал, не поднимая головы. А она поворачивала голову, и свет ловил её скулы, изгиб бровей, ровную линию подбородка.

Алан смотрел. Как всегда. Со стороны. Из-за спины. Не мог дотронуться. Не мог подойти. Только смотреть и запоминать каждый поворот головы, каждый жест, будто боялся моргнуть и потерять её.

Но сейчас, во сне, что-то было иначе. Влечение, которое раньше сжимало грудную клетку, заставляло задерживать дыхание, не давало отвести взгляд — его не было. Алан смотрел на Лану и не чувствовал того привычного, тягучего

голода. Будто в борделе, на коленях, с чужой ладонью на затылке, он получил то, что искал годами. Разрядку. Не похоти. Глубже. Ту самую, что вынимает занозу.

Лана уже не казалась притягательной. Не в том смысле, что стала некрасивой. Нет. Просто перестала быть тем, чем была. Не объектом желания. Не призраком матери. Не тем, на кого нужно смотреть издалека, задыхаясь.

Неужели интерес к ней был только из-за её жёсткости? Из-за её силы? Из-за того, как она держала спину, как смотрела прямо, как не моргала? Не из-за лица. Не из-за волос. А из-за того, что она была стальной. И он хотел, чтобы эта сталь сказала ему: сядь. Молчи. Слушайся.

Элли сказала. И этого хватило.

Сон качнулся. Картинка поплыла, как отражение в воде, в которую бросили камень. Лана растворилась. Фелдар растворился. Остался только голос.

Учитель истории стоял у грифельной доски. Седой ветеран с ожоговыми шрамами, уходящими под ворот мундира. Мел сыпался ему на манжеты серой пылью. Голос звучал ровно, без пафоса. Как у человека, который рассказывает не легенду, а факт.

— Первая война началась в тысяча двести тридцатом году, — говорил он, выводя на доске цифры. — Порталы разорвали ткань реальности. Никто не понимал, откуда они взялись. Никто не понимал, что за твари из них лезут. Регулярные армии были бессильны. Сталь тупилась о демоническую

кожу. Страх ломал строй быстрее когтей.

Мел скрипнул. На доске появились очертания фигур. Три стихии. Тьма. Кровь. Огонь.

— Первые два месяца вошли в историю как Время Геноцида. Города вымирали целыми кварталами. Демоны охотились не за властью. Не за землями. Они охотились за людьми.

Алан помнил, как в классе становилось тихо. Даже самые шумные рекруты замолкали. Потому что у каждого в этом классе кто-то погиб. У кого-то отец. У кого-то мать. У кого-то вся деревня.

— К защите подключились маги, — продолжал учитель. — Редкий, замкнутый орден учёных. Их заклинания и артефакты позволили выиграть время. Но цена оказалась чудовищной. К концу Первой войны маги почти исчезли. Их башни опустели. Книги сгорели.

Пауза. Учитель провёл рукой по доске, стирая лишнее. Пыль мела осела на его рукав белым снегом.

— И тогда появился он. Первый жнец. Габриель.

Голос учителя стал тише. Не слабее. Тише. Так говорят о чём-то, что не нуждается в громкости.

— Один воин в непробиваемых доспехах неизвестной работы. С клинком, способным поражать демонов там, где обычная сталь бессильна. Никто не знал, откуда он пришёл. Никто не видел его лица. Но он мог изменить исход битвы. Удержать рубеж. Дать людям то, чего им не хватало больше всего. Надежду.

Алан помнил, как в такие моменты у него сжимались кулаки под партой. Не от восхищения. От узнавания. Один. Против всех. Не потому что хотел. Потому что никто другой не мог.

— За Первым жнецом потянулись добровольцы. Потом отряды. Так зародились первые охотники на демонов. Разрозненные державы объединились. Избрали единого короля. Заложили основы Единого государства. Габриель создал Орден Священной Защиты. Охотники учились убивать. Учёные систематизировали слабости врага. Алхимики обеспечивали войска средствами борьбы. А при Ордене появился элитный корпус. Двенадцать лучших. Жнецы.

Мел снова скрипнул. Двенадцать силуэтов на доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.